

Слепые пятна отношений России и Запада в оптике Английской школы

Василий Жарков

декан факультета политических наук

Московской высшей школы социальных и экономических наук

E-mail: vslp@universitas.ru

Аннотация: В описании отношений России и Запада существуют два противоположных нарратива, каждый из которых строится на собственном понимании оснований и характера международных отношений и создает слепые пятна в восприятии противоположной стороны. Первый нарратив исходит из презумпции равенства акторов международных отношений, основанном на их суверенитете и балансе сил. Второй нарратив строится на понимании международных отношений как иерархии, где более слабые игроки подчинены более сильным в рамках сюзеренитета. Структура обоих нарративов и связанных с ними слепых пятен подлежит анализу в предлагаемой работе. Нарративы и слепые пятна рассматриваются исходя из двух оптик Английской школы в теории международных отношений, солидаристской и плюралистической. Один объясняет структуру международного общества и существующий мировой порядок как скорее эгалитаристский, другой как иерархический. В первой части статьи разбирается понятие «международного общества» как основа методологии Английской школы и выделяются две оптики релевантные для описания отношений России и Запада. Во второй и третьей частях рассматриваются два противоположных нарратива и в заключении дается характеристика создаваемым ими слепым пятнам в понимании разных сторон. Эти слепые пятна в отношениях России и европейских стран не удалось преодолеть в течение последних 400 лет. Вопросом дальнейшей дискуссии может стать возможная демократизация международных отношений за счет расширения доли народной дипломатии в межгосударственном общении. Диалог на уровне мирового гражданского общества позволит закрыть сложившиеся слепые пятна.

Ключевые слова: Английская школа в теории международных отношений, международное общество, солидаризм, плюрализм, нарративы и слепые пятна в описании российско-европейских отношений, суверенитет, баланс сил, сюзеренитет.

Russian-Western relations blind spots in the optic of English school

Vasily Zharkov

Dean of political studies faculty

Moscow School of Social and Economic Sciences

E-mail: vslp@universitas.ru

Summary: There exist two opposite narratives in describing relations between Russia and the West, each other built on its own understanding of the foundations and nature of international relations and creating blind spots in the perception of the other side. The first narrative proceeds from the presumption of equality of actors in international relations, based on their sovereignty and balance of power. The second narrative is based on an understanding of international relations as a hierarchy, where weaker actors are subordinated to stronger ones within the framework of suzerainty. The structure of both narratives and their associated blind spots are to be analyzed in this paper. Narratives and blind spots are examined in two optics of the English School in international relations theory, solidarist and pluralist. One of them explains the structure of international society and the existing world order as rather egalitarian, the other as hierarchical. The first part of the article examines the term of ‘international society’ as the basis of the English School's methodology and reveals two optics relevant for describing relations between Russia and the West. The second and third parts examine two opposite narratives and the paper's conclusion describes the blind spots that these narratives create in the understanding of the opposite sides. The blind spots in relations between Russia and European countries have not been overcome in the last 400 years. A possible democratization of international relations by expanding the share of people-to-people diplomacy in inter-state communication may be an issue for further discussion. Dialogue at the level of the World society may cancel blind spots legacy.

Key words: English school, international society, solidarism, pluralism, narratives and blind spots in Russian-European relations, sovereignty, balance of power, suzerainty.

Поворотным моментом в новейшей истории отношений России и Запада стало знаменитое выступление президента Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 года. В качестве основной угрозы международной стабильности тогда была названа концепция однополярного мира.

Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. (Путин 2007)

Однако такая картина в корне противоречит представлениям об однополярности в западном политическом дискурсе. Достаточно обратиться к одной из последних книг Нуно Монтейро, посвященных теории однополярной политики. Во-первых, однополярная система предполагает сохранение международной анархии. Во-вторых, анархическая природа международных отношений предполагает наличие многих суверенных акторов. В-третьих, все эти суверенные акторы равны в своих притязаниях на выживание. Иными словами, мир по-прежнему разделен на государства, не подчиненные никакой внешней власти. Эти государства взаимодействуют друг с другом, преследуя собственные интересы. В этом суверенные государства по-прежнему равны друг другу. Что же дает этой системе присутствие монополиса?

Монополис обладает военной мощью, превосходящей всех остальных акторов вместе взятых. Однако этой мощи недостаточно для установления полного контроля над остальными государствами. Речь может идти только об упорядочивающей роли в по-прежнему анархической системе, где «однополярная власть не гарантирует результатов» (Monteiro 2014: 41–44). В некоторых конкретных ситуациях монополису вполне успешно могут противостоять другие великие державы, обладающие достаточной военной силой для собственной защиты.

В западной оптике либеральный по своей структуре монополис может пытаться способствовать поддержанию мира путем гарантированной военной защиты себя и своих союзников и за счет попытки распространения ценностей и норм свободы, демократии и прав человека на большую часть мира. При этом он ни в коем случае не управляет другими подобно ордынскому хану или римскому императору, его возможности ограничены властью других суверенных акторов. Ровно поэтому в нашем мире возможны режимы подобные венесуэльскому, иранскому и северокорейскому.

В оптике Кремля мир трактуется принципиально иначе. Монополис наделяется возможностями единственного суверена, которому подчинены все остальные. Все государства должны ему повиноваться, и лишь немногие бросают вызов власти гегемона. Россия все последние годы, отчаянно борется за свой суверенитет. Примечательно, что Андрей Кортунов в одной из своих англоязычных статей обращает внимание на разницу в понимании равенства как фундаментальной причине расхождений между Россией и Западом (Kortunov 2016). В основе российского подхода к равенству в международных отношениях, по его мнению, лежит постимперская травма. Однако вполне возможно, что корни проблемы находятся гораздо глубже. Сегодняшняя российская политическая элита лишь воспроизводит нарратив, созданный и продолжающий существовать на протяжении столетий.

Другой нарратив исходит из презумпции равенства акторов, способных отстоять свой суверенитет. Этот нарратив берет свое начало от Гоббса, если не от Фукидида. Ему тоже не одна сотня лет и он по-прежнему доминирует в западной оптике.

Итак, в описании отношений России и Запада существуют два противоположных нарратива, практически никак не пересекающиеся и не учитывающие существование друг друга. При этом каждый нарратив строится на собственном описании оснований и характера международных отношений и создает слепые пятна в понимании противоположной стороны.

Слепые пятна будут рассмотрены исходя из двух оптик, которые предлагает нам Английская школа в теории международных отношений. Эти оптики по-разному объясняют структуру международного общества, в рамках которого поддерживается существующий мировой порядок. В первом случае международная политика описывается как эгалитарная система, основанная на суверенитете и балансе сил. Во втором акцент делается на иерархии и подчинении суверенитету в рамках существующего режима гегемонии.

Основанная на эгалитаристском подходе западная оптика рассматривает Россию как нарушителя норм, правил и институтов в рамках существующего международного режима. В то же самое время строящаяся на презумпции иерархии российская оптика не согласна принимать и разделять ценности европейского международного общества, видя в этом прежде всего подчинение внешней по отношению к себе супер-власти.

Структура обоих нарративов и связанных с ними слепых пятен подлежит анализу в предлагаемой работе. В первой части разбирается понятие международного общества как основа методологии Английской школы и выделяются две оптики релевантные для описания отношений России и Запада. Во второй и третьей частях рассматриваются два противоположных нарратива и в заключении дается характеристика создаваемым ими слепым пятнам в понимании разных сторон.

I. Парадоксы оптики Английской школы

Хотя это направление в теории международных отношений «никогда не было само по себе английским и еще меньше является таковым сегодня» (Dunne, Kurki, Smith 2010: 136), в литературе за ним закрепилось название Английская школа. Во многом это объясняется первыми десятилетиями её развития вокруг созданного в 1959 году Британского комитета по международной политике, объединявшего Мартина Уайта, Эдварда Карра, Чарльза Мэннинга и других ведущих историков Великобритании для обсуждения ряда принципиальных проблем и аспектов истории и теории международных отношений (Navari, Green 2014: 25-36). Представляя срединный путь между двумя крайностями реализма и либерализма и будучи эпистемологически близкой *конструктивизму*, по итогам первых десятилетий XXI века Английская школа может быть признана в качестве одного из доминирующих течений в современных исследованиях мировой политики. Однако главный ее теоретический вклад был сделан раньше, когда в 1970-е – 1980-е годы был разработан концепт международное общество, служащий методологической рамкой настоящей статьи.

Основным предметом исследований Английской школы служит общество государств, или международное общество¹; его концепция достаточно хорошо и ясно проработана. Международное общество рассматривается в качестве ключевого понятия, характеризующего *порядок* в мировой политике. Этот термин использовал в XVII веке Гуго Гроций, среди классиков теории международных отношений занимающий как раз срединную позицию между реализмом Гоббса и либерализмом Канта. Согласно данному подходу государства не просто подобно гладиаторам

¹ International society корректнее переводить на русский язык именно как «международное общество», а не как сообщество.

вовлечены в постоянную борьбу на мировой арене, но ограничены в конфликтах общими *нормами, правилами и институтами*. Как полагает один из пионеров концепта международного общества Хедли Булл, в конфликтах друг с другом государства ограничены правилами и институтами общества, которое они формируют. Причем эти ограничения вызваны не только соображениями благоразумия и выгоды, но императивами морали и права. Однако их действие не приводит к созданию космополитической общности всего человечества, но скорее способствует сосуществованию и кооперации в обществе суверенных государств (Bull 2002: 25-26).

Международное общество таким образом описывает исторический процесс институционализации разделяемых государствами общих интересов и идентичностей и помещает в центр теории международных отношений создание и поддержание общих норм, правил и институтов. Исходя из онтологии государств, этот подход базируется главным образом на сравнительно-исторических методах. Однако в отличие от других концепций международных систем, например, от структурного реализма Кеннета Уолца, пользующегося знаменитой метафорой бильярдного шара², сторонники идеи международного общества полагают, что системы и процессы в социальных науках не могут быть описаны тем же путем, что и в физике (Buzan 2004: 7, 9). Отсюда и возникает понятие международного общества как продукта длительной истории взаимоотношений между государствами на мировой арене.

Согласно Буллу международное общество вырастает из международной системы как простого набора государств в их более архаичной форме взаимодействия, изначально не предусматривающей наличия и действия регулирующих норм, правил и институтов. Порядок в международной политике формируется столетиями истории совместного проживания и взаимодействия и закрепляется в международном обществе. Его хрестоматийное определение выглядит следующим образом:

Общество государств (международное общество) существует, когда группа государств ощущает общность интересов, ценностей и форм общественного устройства в том смысле, что эти государства считают себя связанными общим набором правил в отношениях друг с другом и участвуют в работе общих институтов. Если государства сегодня образуют международное общество, это происходит благодаря признанию неких взаимных интересов и возможно кое-

² Согласно концепции структурного реализма К. Уолца государства на международной арене взаимодействуют как шары на бильярдном столе. Данный подход характеризуется игнорированием внутренней структуры государств как акторов мировой политики.

каких объединяющих ценностей, они смотрят на себя как на ограниченных некими правилами в их сделках с другими такими же, как они сами. В то же время они сотрудничают в работающих институтах таких, как международное право, дипломатия и международные организации, обычаи и конвенции ведения войны. (Bull 2002: 13)

Между тем внутри Английской школы нет согласия относительно того, какова природа ограничительных норм, правил и институтов и какую роль они играют внутри международного общества. С одной стороны, по мнению Булла и его последователей из течения солидаристов международное общество способно выработать универсальные и обязательные для соблюдения нормы. В качестве примера они приводят признание необходимости соблюдения прав человека в современном международном обществе. С другой стороны, Уайт и сторонники плюралистического течения видят в международном обществе скорее более или менее оптимальное решение проблемы, как поместить многообразие культурных ценностей в рамках хорошо упорядоченной международной системы. Поскольку государства остаются «легитимными контейнерами» культурных различий, задача международного общества состоит в том, чтобы сформулировать нормы и процедуры, которые «разделяют и сшивают» государства в единой системе. (Dunne 1998: 11) Если в первом случае международное общество формирует общие нормы и требует следования им, то во втором речь идет скорее о согласовании разных ценностей в самой общей рамке взаимного признания суверенитета в существующих границах, следования дипломатическим процедурам и участия в работе ООН. От выбора подхода к роли ценностей в международном обществе зависит характер и условия членства в нем.

Еще более сильное расхождение касается положения отдельных государств внутри международного сообщества. Образуют ли они *иерархию* и каков ее характер?

По Буллу неравенство проявляется скорее в отношениях между странами-участницами международного общества и не входящими в него субъектами. Ровно так строились отношения в колониальную эпоху между европейскими державами и Турцией, Китаем и Японией. Другой пример представляют отношения греческих полисов между собой и с Персидской империей, когда общие нормы работали в одном случае и отсутствовали в другом (Bull 2002: 13-14). Наличие сверхдержав и их гегемонии здесь признается в качестве одного из системных факторов, но особенно не педалируется. В случае международного общества равенство обусловлено

суверенитетом, правом, которое подразумевает «обязательства (как минимум) воздерживаться от вмешательства в дела других государств и уважать их территориальную целостность» (Dunne 1998: 10).

Однако в свою очередь Уайт представляет международное общество как совсем не эгалитарную систему, в которую государства включены на основании сюзеренных отношений. Типология международных обществ представлена здесь спектром иерархических систем разной степени жесткости начиная с анархии через гегемонию, сюзеренитет и доминион вплоть до империи (Buzan 2004: 22-23). Получается, что не имеющее статуса великой державы государство может быть включено в международное общество только на условиях подчинения. Что же касается не входящей в международное общество великой державы, то условием ее инкорпорирования может стать только отказ от своего статуса в пользу доминирующего *сюзерена* и соответственно принятие подчиненного положения.

Приведенное различие в оптике Английской школы позволяет принципиально по-разному описать и оценить отношения России и европейского международного общества. В обоих случаях получается довольно стройный и ясный нарратив с диаметрально противоположными последствиями. Каждая оптика предлагает свой ответ, каждый из которых существует параллельно другому и не замечает противоположной точки зрения. От того насколько глубоко и осмысленно носители обоих нарративов начнут слышать и понимать друг друга, во многом зависят перспективы и будущее отношений России и Европы.

II. Нарратив эгалитарного международного общества

Феномен современного международного общества уходит корнями в европейскую историю XV-XVII столетий. В тот период происходило становление международного общества в Европе и было связано с дезинтеграцией универсальной политической организации западного христианства под властью Римского престола и аффилированной с ним империи Габсбургов. К концу этого подготовительного периода сложились первые государства Нового времени и структура отношений между ними, связанная со взаимным признанием суверенитета и поддержанием баланса сил. Соответствующие нормы, правила и институты были закреплены Вестфальским миром 1648 и Утрехтским договором 1713 года (Bull 2002: 26-31, 35).

Эгалитарный характер европейского международного общества был обусловлен именно принципом *суверенитета*, когда государства стали признавать наличие друг у друга достаточного количества власти для удержания контроля над своими землями и населением. Борьба между государствами за территории продолжалась еще по меньшей мере два столетия, что тогда служило архаическим способом балансирования держав между собой. Никто в Европе уже не мыслил отношения в рамках сюзеренитета эпохи Средневековья, на смену которому пришло равенство суверенитетов.

Примечательно, что как раз в конце XV века на Северо-Востоке Европы сложилось централизованное Российское государство. Освободившись от трехсотлетнего ордынского ига, в последующие два столетия Россия подчинила себе практически все территории Золотой Орды от татарских ханств в Среднем и Нижнем Поволжье до северной границы китайской империи Цин на Амуре³. Однако в сближении с Европой и тем более со вступлением в европейское международное общество с самого начала возникли немалые трудности. Каким образом они могут быть объяснены в рамках эгалитаристского подхода к структуре международного общества?

Норвежский последователь Английской школы Ивер Нойманн объясняет эти трудности особыми рамками «долгой» культурной памяти правителей Московии, тесно связанными с наследием Золотой Орды. Представления великих князей московских о государственной власти, внутренней структуре управления и способах взаимодействия с другими государствами на международной арене были сформированы и закреплены в качестве паттерна поведения длительным периодом подчинения монгольским сюзеренам. В то время, как в Европе шло активное складывание системы суверенитетов, Россия продолжала существовать и действовать в международном контексте в соответствии с приобретенными нормами ордынского *сюзеренитета*. При этом участие в обществе европейских правителей было возможно только при условии перехода от сюзеренных отношений к понятию «суверенной системы» (Neumann 2011: 470).

Россия вышла из сюзеренитета путем особенным для Европы, но весьма характерным для Азии. Унаследовав земли бывшего сюзерена, она стала требовать от европейских соседей невозможного – признавать титул своего правителя на уровне царского, по понятиям Европы императорского. Государь всея Руси таким образом

³ Параллельно великие князья московские провозгласили себя наследниками Византийской империи.

заявлял о претензиях на власть на уровне императора Священной Римской империи, с которым воевала вся остальная Европа. Провозгласивший себя царем Иван IV в соответствии с ордынской традицией пытался облагать соседние европейские страны данью. После того, как Ливония отказалась платить, он начал долгую войну, которую проиграл. В глазах европейских визави подобное поведение плотно ассоциировалось с азиатчиной (Там же: 482). При этом географически ближайšie к России страны Европы видели ее слабость и пользовались ею, как Польша и Швеция в годы Смутного времени.

Однако представители старшего поколения Английской школы все же признавали участие России в международном обществе начиная с периода реформ Петра I. С этого момента русские послы стали направляться в основные европейские столицы, а в Санкт-Петербурге появились постоянные представители стран Европы. Первый в европейском международном обществе институт дипломатии начал складываться в Италии в XV веке, в течение двух последующих столетий он распространился на государства севернее Альп, а в начале XVIII столетия к участию в обмене посольствами подключилась Россия (Bull 2002: 30). Модернизированная и вестернизированная петровскими реформами она наряду с Пруссией оказалась признанной в числе новых великих держав Европы. Как отмечает Адам Уотсон, породнившиеся с другими европейскими династиями Романовы с этого момента стали ведущими членами «клуба суверенов» (Watson 2009: 199-200).

Более того во второй четверти XIX века после Венского конгресса «концерт великих держав» был установлен в Европе под совместной гегемонией Британской и Российской империй (Clark 2011: 74). Однако к середине столетия этот относительно краткий период закончился изоляцией России, которая в ходе Крымской войны неудачно противостояла коалиции европейских стран во главе с Великобританией. Парижский мир 1856 года ограничил российское влияние на Черном море и Балканах, подорвав экспансию империи Романовых на территории Османской империи. Нарушив положения Парижского мира и начав очередную войну с турками весной 1877 года Александр II фактически вышел из «концерта великих держав» (Там же: 84). Таким образом даже в этот наиболее благоприятный для России исторический период, её положение в Европе было не вполне устойчивым. Тенденция к маргинализации российского участия присутствовала даже при либеральном царе-освободителе, но в перспективе следующего столетия она усилилась многократно.

В XX веке международное общество вышло за пределы Европы, охватив весь мир и став глобальным. Однако дистанция между Россией и этим изначально европоцентричным порядком в начальный период глобализации только увеличилась. Во-первых, Октябрьская революция предложила миру альтернативную кантонианской универсальную доктрину объединения человечества во всемирную федерацию советских республик (Bull 2002: 36). Во-вторых, СССР не смог полностью присоединиться к западному альянсу победителей после Второй мировой войны, хотя с 1941 по 1945 год отношения Сталина с союзниками по антигитлеровской коалиции⁴ вполне могут быть описаны в терминах международного общества. Наконец последнее обстоятельство обернулось длительным периодом холодной войны.

В ходе разгоревшегося идеологического по своей природе конфликта противоборствующие стороны смотрели друг на друга как на внешнюю по отношению к объединению своих союзников силу. В период холодной войны США и СССР говорили друг о друге как о «еретиках или изгоях» за железным занавесом, нежели как о членах одного международного общества. Однако даже в самые сложные периоды они не обрывали дипломатических отношений, не отказывались от признания суверенитета друг друга и от общих принципов международного права, не пытались спровоцировать распад ООН. С обеих сторон звучали голоса в пользу компромисса, переключения внимания на общие интересы и следования секулярной форме принципа 'cuius regio, eius religio', чья власть, того и религия (Там же: 40-41). Таким образом между двумя блоками сохранялись базовые договоренности, достигнутые на стадии формирования европейского международного общества времен Вестфальского мира после окончания Тридцатилетней войны. И все же такие отношения с Западом во второй половине прошлого столетия свидетельствовали скорее о существовании на границе международного общества, чем о полноценном участии в нем.

Исследователи Английской школы видят преемственность проблем на пути вступления России в международное общество, вплоть до наших дней остающейся его «вечным абитуриентом» (Neumann 2011: 484). Почему на протяжении многих столетий Россия продолжает находиться на внешнем контуре объединенной Европы? Нойманн дает на этот вопрос неожиданный ответ: не получив признания равного статуса, Москва

⁴ Америка и Великобритания вслед за Рузвельтом описывали антигитлеровскую коалицию как «объединённые нации» (Union Nations).

все это время сопротивляется тому, чтобы стать частью новой *сюзеренной системы* (Там же). Сам он, как уже говорилось, объясняет это особыми рамками российской культурной памяти, связанными с опытом ордынского ига.

Однако в тени остается вопрос насколько равноправной представляется система международного общества в глазах самой России и почему так происходит. Если вступающего в отношения субъекта не признают в качестве равного, есть все основания сомневаться в реальном равноправии в обществе, к которому он хотел бы присоединиться. Нарратив существенно меняется, если посмотреть с другого ракурса.

III. Нарратив иерархического международного общества

Важным обстоятельством, торпедирующем представление международного общества как эгалитарного порядка, является наличие гегемонии. Особенную актуальность эта проблема приобрела в период после окончания холодной войны, когда США сосредоточили несопоставимую с остальными государствами мощь и стали претендовать на роль униполярной силы в глобальном масштабе. Ни одна система суверенных государств никогда ранее не предполагала наличия одного государства со схожим уровнем материального превосходства над всеми остальными (Clark 2011: 3).

При этом гегемония вовсе не может считаться новым явлением в мировой истории. Для поддержания устойчивого международного порядка необходима именно гегемония, писал Эдвард Карр, чьи труды лежат в основании Английской школы (Carr 2001: 213-217). Современной американской униполярности предшествовало британское «владычество морей», еще раньше в Европе наблюдалось господство Франции Людовика XIV и империи Габсбургов. Отношения гегемона с остальными участниками международного общества, даже обставленные сдержанностью и толерантностью, в любом случае предполагают ту или иную форму подчинения.

Следовательно, в условиях гегемонии структура международного общества может напоминать *сюзеренитет*. Новые участники принимаются в него на основании подчинения власти держащего порядок сюзерена. Игнорирующая это требование страна исключается либо маргинализируется внутри системы международного порядка. Это обстоятельство важнее факта наличия *суверенитета*, который в условиях *гегемонии* по факту ограничен властью доминирующей сверхдержавы.

Взгляд на российско-европейские отношения с позиции признания факта подчинения в международном обществе дополняет историческую картину существенными деталями. Так, желание Ивана IV именоваться царем наравне с императором Священной Римской империи или постоянные споры о царском титуле на переговорах русских с поляками в XVII веке могут быть описаны в терминах борьбы за равноправие и нежелания подчиняться более сильному партнеру. Как справедливо отмечает Доминик Ливен, «уязвимость и слабость были по крайней мере таким же мощным фактором российской внешней политики, как инстинкт территориальной экспансии» (Ливен 2007: 422). Эти *уязвимость* и *слабость* действительно могут считаться родовой травмой российского государства, непосредственно влияющей на её внешнюю политику. Отсюда и постоянные опасения подчинения под видом приглашения к равноправному участию, которые сохраняются у России до сих пор.

В то же время именно в XVI-XVII столетиях европейское международное общество развивалось из неудачной борьбы Габсбургов за гегемонию к установлению вместо нее системы суверенитетов. Поэтому Уотсон называет Вестфальский мир «уставом Европы перманентно организованной на антигегемонистском принципе» (Watson 2009: 182). Антигегемонистские альянсы складывались на протяжении последующих полутора столетий, будь то борьба с Австрией, Францией или Швецией.

Собственно вхождение Романовых в семью европейских монархов ознаменовалось их активным участием и лидерством в Северном союзе, направленном против гегемонистских устремлений шведской короны на Балтийском море. Дания, Польша, Россия и Саксония заключили военный союз против Швеции. В результате именно российская сторона продемонстрировала себя в качестве наиболее эффективной силы, способной остановить шведскую гегемонию и покончить с ней навсегда. По всей видимости именно это обстоятельство способствовало всеобщему признанию новой империи Петра I одной из великих держав Европы.

Столетие спустя в Европе и Азии развернулась российско-британская борьба за *гегемонию*. Провозглашенная в 1707 году Великобритания формально оформилась как империя только на 14 лет раньше России (1721), однако к началу XIX века две державы представляли противоположные социальные, экономические и политические системы. Русские выступали оплотом «старого порядка» в Европе, а британцы пионерами и проводниками нового капиталистического уклада по всему миру. При этом силы

изначально оказались неравными. Если британская финансовая мощь позволяла оказывать давление на третьи страны без прямого военного вмешательства, то Россия не обладала такими «неформальными» рычагами давления и была вынуждена действовать исключительно путем использования грубой силы (Ливен 2007: 423). Это ставило российский внешнеполитический курс в заведомо проигрышную позицию.

Арсенал британского доминирования был значительно богаче и шире. В XIX столетии флот империи обеспечивал порядок на морях и гарантировал иммунитет от крупных войн. Финансовый рынок Лондона установил единый стандарт фактически для всего мира, а британская коммерция защищала широкое распространение принципа свободной торговли. Наконец английский язык стал играть роль *lingua franca* на четырех континентах (Carr 2001: 213). Россия пыталась противостоять господству Великобритании путем собственной экспансии – европейская система международных отношений вынуждала все великие державы постоянно заботиться об увеличении своей мощи для защиты собственных интересов (Ливен 2007: 425). Однако в результате Крымской войны ее силы и международное влияние были существенно подорваны. Маргинализация Российской империи в европейском международном обществе в этот период была в первую очередь обусловлена проигрышем борьбы за гегемонию.

Неудачное соперничество с Великобританией в известной степени способствовало антикапиталистическому вектору развития, выбранному Россией в дальнейшем. Бенно Тешке вопреки Марксу не считает распространение *капитализма* экономическим процессом. Это процесс геополитический, в ходе которого столкнувшиеся с угрозой исчезновения докапиталистические государства были вынуждены реагировать. Одни начинали усваивать новую политику и претворять ее в собственных условиях, другие придумывали «радикальные контрстратегии». Среди последних наиболее значительным примером оказался социализм (Тешке 2011: 380). В начале XX века Россия «имела все основания полагать, что законы международного либерального капитализма работают против нее» (Ливен 2007: 424). Это создало большевистскую модель, в рамках которой Советский Союз развивал свои бескрайние пространства «в концентрированных соединениях индустриального и крупного аграрного производства» (Carr 2001: 212). Этот путь обеспечивал суверенитет страны.

По итогам Второй мировой войны вопреки ожиданиям Рузвельта Сталин не мог отказаться от социализма в пользу признания правил Бреттон-Вудской системы, т.к. в

его оптике это стоило бы суверенитета Советского Союза. Холодная война началась с того, что США и их западные союзники подозревали СССР в желании подчинить коммунистическим порядкам всю Европу, а советские вожди напротив опасались, что распространение капитализма приведет к распаду и гибели их страны (Кальвокоресси 2016: 18-19). Этот случай наглядно иллюстрирует наличие *слепых пятен* в оптике обеих сторон, которые сохраняются и в сегодняшних отношениях России и Запада.

Заключение

Итак, мы можем наблюдать два нарратива, основанных на двух оптиках релевантных не только для Английской школы, но шире для спектра существующих взглядов на отношения России и Запада. Первый нарратив исходит из наличия политического равенства акторов на мировой арене и строится на усмотрении в российских действиях вызова для существующего миропорядка. Россия не желает в полной мере подчиняться принятому кодексу поведения и поэтому ее положение в международном обществе всячески маргинализируется. Противоположный нарратив видит в международном обществе прежде всего гегемонию и связанную с ней иерархию, которой он не готов подчиняться. Опасаясь новых сюзеренных отношений, он бросает вызов существующему порядку и изгоняется из него.

При этом ни та, ни другая сторона не понимают оптики друг друга. Слепое пятно сторонников эгалитаристского подхода состоит в том, что они принципиально не замечают опасений своего визави быть подчиненным brutальным и деспотическим образом. В пользу этого сценария говорит коллективная память сторонников иерархического взгляда, которые в свою очередь *не хотят видеть*, что никто не собирается покушаться на их суверенитет. Наоборот следование нормам, правилам и институтам предполагает в первую очередь неприкосновенность суверенитета во всем, что касается государственных границ и культурной идентичности каждого участника международного общества. Однако это и правда не просто понять стране, травмированной иностранным игом далекого прошлого и страшной войной XX века. Стремясь подчинить других, она лишь защищается от внешнего мира в соответствие с диктуемыми собственной культурной традицией экзистенциальными угрозами.

Можно ли выйти из этой ситуации неразличения ожиданий и страхов друг друга? Опубликованный не так давно при поддержке министерства иностранных дел Германии

доклад группы «Иммедико» говорит о необходимости продолжения диалога российских и европейских экспертов и создании «островов сотрудничества» даже в условиях сохраняющейся эскалации (Immedio 2019: 41-44). Такой подход выглядит в высшей степени морально оправданным в сложившейся ситуации.

Слепые пятна не так просто преодолеть, учитывая опыт российско-европейских отношений последних 400 лет. Однако современный мир с его все более прозрачными границами для общения миллионов людей по всему миру создает некоторые предпосылки для созревания нового поколения, которое действительно сумеет отказаться от страхов и предрассудков прошлого. Такой исход представляется особенно вероятным, если в международном диалоге наряду с государствами и политическими элитами начнут принимать участие обычные граждане в рамках различных проектов народной дипломатии. Диалог на уровне гражданского общества позволит преодолеть сложившиеся нарративы и слепые пятна. Это все еще возможно, пока непонимающие оптики друг друга правители не довели свои народы до полной катастрофы.

Библиография:

Кальвокоресси, Питер (2016). Мировая политика с 1945 года: пер. с англ. М.: Международные отношения.

Ливен, Доминик (2007). Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлова, А. Платонова. М.: Издательство «Европа».

Путин, Владимир (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. События. 10 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

Тешке, Бенно (2011). Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики.

Bull, Hedley (2002). *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press.

Buzan, Barry (2004). *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Carr, Edward (2001). *The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*. NY: Palgrave Macmillan.

- Clark, Ian (2011). *Hegemony in International Society*. Oxford: OXFORD University Press.
- Dunne, Tim (1998). *Inventing International Society: A History of the English School*. London: MacMillan Press.
- Dunne, Tim & Kurki, Milja & Smith, Steve (eds.) (2010). *International Relations Theories. Discipline and Diversity*. Oxford: Oxford University Press.
- Inmedio Group (2019). *Russian-Western Blind Spots: From Dialogue on Contested Narratives to Improved Understanding*. Berlin: Inmedio peace consult gmbh / ILPP.
- Kortunov, Andrey (2016) *Russia and the West: What Does "Equality" Mean?* // Russian International Affairs Council. Analytics and Comments. Articles. November 1. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-and-the-west-what-does-equality-mean/>
- Monteiro, Nuno (2014) *Theory of Unipolar Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Navari, Cornelia & Green, Daniel (eds.) (2014). *Guide to the English School in International Studies*. Oxford: John Wiley & Sons, Ltd
- Neumann, Iver (2011). *Entry into International Society Reconceptualised: the Case of Russia* // *Review of International Studies*. Vol. 37. No. 2. Pp. 463-484.
- Watson, Adam (2009). *The Evolution of International Society. A Comparative Historical Analysis*. New York: Routledge.